

УДК 908

А. А. Иванов, А. А. Соловьев*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***КОЛХОЗЫ В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ
МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (1920-Е ГОДЫ)**

В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных и опубликованных источников, синхронных и ретроспективных документальных публикаций, рассматриваются организация и функционирование сельскохозяйственной производственной кооперации в деревне Марийской автономной области в период новой экономической политики. Выделены основные разновидности состава и деятельности первых коллективных хозяйств национальной автономии, их потенциальные производственные возможности в развитии аграрного сектора экономики Марийского края в 20-е годы XX века и место в сельскохозяйственной инфраструктуре региона. На широкой фактической основе установлено, что жизнеспособность идей производственного кооперирования в период нэпа имела под собой вполне обоснованную экономическую базу. Использование преимуществ крупного обобщественного производства обнаруживало в коллективных хозяйствах колоссальный потенциал количественного и качественного роста показателей аграрного сектора народнохозяйственного комплекса страны и отдельных ее регионов, вело к повышению жизненного уровня и улучшению условий труда тружеников деревни, в целом закладывало реальную социально-экономическую базу для индустриализации аграрного производства, что неизбежно должно было произойти в СССР в русле общемировых тенденций и в конечном результате соответствовало его государственным (национальным) интересам.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производственная кооперация, колхозы, Марийская автономная область, крестьянство, земледелие

Массовое производственное кооперирование индивидуальных крестьянских хозяйств в СССР в конце 1920-х – начала 1930-х годов, более известное как сплошная коллективизация сельского хозяйства, в качестве важнейшего направления модернизации государства на пути перехода от аграрного к аграрно-индустриальному обществу по-прежнему находится в поле зрения историков-крестьяноведов. Не прекращающийся интерес научной общественности к этой, безусловно, важнейшей проблеме истории советского общества обусловлен вновь открывающимися для исследователей недоступными ранее документальными комплексами центральных и региональных архивов [15; 36; 38; 39]. Если ранее переход сельского хозяйства на путь крупного обобщественного производства традиционно рассматривался в отечественной историографии как средство решения руководством страны хлебной проблемы в условиях несоответствия между темпами развития зернового производства и ростом промышленности, что ставило под угрозу индустриализацию страны [19, с. 343], то новейшие исследования показывают, что в действительности

коллективизация была во многом попыткой политического руководства СССР покрыть неудачи социально-экономической политики [13, с. 20–37; 17, с. 4–9; 20; 21, с. 34–46; 22, с. 158–173; 24, с. 18–29; 32, с. 73–81; 35, с. 3–13]. Государственный и кооперативный хлебозаготовительный аппарат не смог обеспечить нормальное функционирование хлебозаготовительной системы в условиях рынка. Хлебная проблема решалась с каждым годом все сложнее. Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 г. («хлебная стачка») был наиболее ярким тому доказательством. В этих условиях объективно для решения проблемы заготовок сельскохозяйственной продукции, посредством унификации системы надзора за земельным производством распоряжением произведенного продукта, при сохранении существовавшего политического режима, оптимальным вариантом оставалось массовое производственное кооперирование крестьянских хозяйств – прежде самостоятельных товаропроизводителей.

В связи с изложенными обстоятельствами особого внимания заслуживает опыт производственного кооперирования в деревне кануна коллективизации,

в 20-е годы XX века, в этом аспекте по-прежнему недостаточно изученный [14, 15а, 16] и все еще оставляющим открытым вопрос, поставленный в свое время В. П. Данилов: что же представляли из себя колхозы в «доколхозный» период, прежде всего в сфере организации и производства?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо отметить, что коллективное хозяйствование на земле, конечно, было известно российскому крестьянству и ранее, даже в дореволюционный период, однако в 1920-е годы и в целом по стране, и в отдельных регионах, никогда не было сколь-нибудь значительным, тем более массовым. Об этом свидетельствуют и материалы по территориальному объекту нашего исследования – Марийской автономной области (МАО), современной Республики Марий Эл. Земельные органы МАО, по имеющимся данным, не связывали особых перспектив с колхозным движением вплоть до самого кануна массовой коллективизации. Даже в тезисах к проекту первого перспективного плана развития сельского хозяйства автономной области на 1928/29–1932/33 гг. основную роль колхозы (и совхозы) должны были сыграть прежде всего в «показательности преимуществ крупного хозяйства над мелким, с одной стороны, и повышении продуктивности, вследствие улучшенных приемов обработки, удобрения и пр., – с другой; статья рассадниками сортовых семян и репродуктами животноводства» [6, л. 29].

Количество коллективных хозяйств МАО на протяжении 1920-х годов постоянно менялось. Изменялось также соотношение их организационно-производственных форм (коммун, артелей, товариществ по общественной обработке земли (ТОЗов). По данным большинства доступных источников, начало колхозного движения на территории будущей автономной области относится к 1919 г., когда было организовано 7 объединений: 3 сельскохозяйственные коммуны, 2 сельскохозяйственные артели и 2 ТОЗа [9, л. 40; 12, л. 95об.; 33, с. 20]. К 1 октября 1922 г. в МАО насчитывалось уже 5 сельскохозяйственных коммун и 52 сельскохозяйственные артели [1, с. 14]. Однако затем период относительно заметного роста коллективных хозяйств, образование многих из которых было вызвано желанием получить какие-либо (иногда разовые) льготы от государства, сменилось на период, когда происходит самоликвидация с последующим распадом, главным образом по причинам внутривоспроизводственного характера, как ранее существовавших, так – через короткое время – вновь возникших колхозов.

Так, из 98 объединений, зарегистрированных областным земельным управлением в 1920–1927 гг., к весне 1928 г. фактически функционировало только 8 колхозов (6 артелей и 2 ТОЗа), которые объединяли 0,1 % всех крестьянских хозяйств области [10, л. 78; 27, с. 144–145]. Коллективные хозяйства, сохранившиеся с момента их организации в начале 1920-х годов до момента перехода к сплошной коллективизации, насчитывались единицами: сельскохозяйственная артель «Подъем» (Козьмодемьянский кантон) – организована в 1920 г.; артель «Марий Ушэм» (Краснококшайский кантон) – 1921 г.; «Сендинская трудовая артель» – 1921 г. и др. [29; 30].

Пик колхозного движения в МАО в рассматриваемый период, также как и в целом в РСФСР и СССР, пришелся на 1928–1929 гг. К 1 октября 1929 г. – это максимальный показатель – было образовано и функционировало 214 коллективных хозяйств: 13 коммун, 69 артелей, 132 товарищества по общественной обработке земли. Вместе с «дикими» колхозами (не входящими в систему Марколхозсоюза) количество коллективных хозяйств доходило до 236 [3, л. 160; 10, л. 78]. В них состояло примерно 3 % всех крестьянских хозяйств автономии [18, с. 128]. В земледельческих северо-восточных кантонах МАО удельный вес крестьянских хозяйств, объединенных в различные сельскохозяйственные коллективы, был выше: в Мари-Турекском кантоне это 11,8 % хозяйств, Сернурском – 6,5 %, Новоторьяльском – 5,5 %, Оршанском – 3,4 % [11, л. 28].

В распоряжении колхозов области к началу сплошной коллективизации было примерно 2,5 % всей сельскохозяйственной площади, 3 % пашни, 2,5 % посева, 2 % поголовья рабочих лошадей и т. д. [3, л. 168; 5, л. 59; 26, с. 67–68]. В 1928/29 хозяйственном году ими было произведено 2,8 % валовой и 0,4 % товарной продукции полеводства по области, 0,3 % валовой и 3 % товарной продукции животноводства [3, л. 119; 33, с. 88–89, 92–93].

В экономическом отношении коллективные хозяйства 1920-х годов, как правило, были небольшими объединениями. По данным областных земельных органов и статистического бюро Нижегородского края, каждый колхоз (в среднем по трем организационно-производственным формам) в 1928–1929 гг. включал 13 крестьянских хозяйств, имел 120 га сельскохозяйственной площади и 100 га пашни, 6 рабочих лошадей, 13 голов крупного рогатого скота (вместе с молодняком), 3 свиней, 30 овец и т. д. [3, л. 160, 170; 23, с. 106–108;

34, с. 49]. Несколько хуже обстояло дело с обеспеченностью коллективных хозяйств сельскохозяйственными машинами и орудиями. И это не случайно. Колхозное движение 1920-х годов было движением прежде всего «бедняцких и маломощно-средняцких слоев деревни, потерявших надежду поднять свое хозяйство самостоятельно». По подсчетам А. В. Хлебникова, среди колхозников МАО в 1928 г. было 4 % батраков, 49 % бедняков, 41 % середняков и 6 % кулаков; в 1929 г. соответственно: батраков – 4 %, бедняков – 50 %, середняков – 45 %, кулаков – 1 % [40, с. 49]. Не случайно в 1928–1929 гг. на один колхоз области приходилось 3,7 плуга, 0,2 сеялки, 0,1 жнейки, 0,3 молотилки, 0,3 веялки и т. д. [3, л. 160, 170; 23, с. 106–108; 28, с. 58; 34, с. 49]. Известны и другие данные. На 1 октября 1929 года в коммунах области потребность в сельскохозяйственном инвентаре была удовлетворена примерно на 10,5 %, в артелях – на 42,9 %, в ТОЗах – на 21,2 % [3, л. 177]. Этот пробел во многом восполнялся оборудованием машинно-прокатных и зерноочистительных пунктов, при эксплуатации которого колхозы имели преимущества.

В 1920-е годы в коллективном секторе экономики еще практически не применялся сложный сельскохозяйственный инвентарь на механической тяге. К 1929 году в распоряжении колхозной системы МАО имелось всего 4 трактора мощностью по 20 лошадиных сил каждый [25, с. 13]. Но часть коллективных хозяйств области имела «промышленные» предприятия. Так, на 1 октября 1929 г. при коммунах имелось 3 вододействующие мельницы; при артелях – 11 мельниц, 4 кустарных кирпичных завода и один маслобойный завод; при товариществах по общественной обработке земли – 5 мельниц, 2 кирпичных завода и одна кузница [3, л. 178; 7, л. 138].

Основные средства производства первых колхозов складывались в подавляющем большинстве случаев из суммы простого крестьянского инвентаря, рабочего и продуктивного скота вступавших в них хозяйств. Степень обобществления средств производства была неодинакова в различных организационно-производственных формах коллективных объединений. Максимальной она была в коммунах. В 1928/29 хозяйственном году, по материалам отчета Союза сельскохозяйственных коллективов Марийской автономной области, уровень обобществления в коммунах рабочего скота составлял 100 %, продуктивного скота – 100 %, хозяйственных и жилых построек – 93,2 %. В сельскохозяйственных артелях и осо-

бенно ТОЗах – наиболее распространенных формах коллективных хозяйств, степень обобществления была значительно ниже. В артелях рабочий скот был обобществлен на 66,1 %, продуктивный – на 65 %, постройки – на 20,8 %; в товариществах по общественной обработке земли соответственно – на 14, 8,5 и 8,7 % [3, л. 170–175]. Еще ранее, в ходе сплошного обследования колхозов СССР в 1928 г. было установлено, что в среднем по трем их формам в МАО было обобществлено 56,1 % всей сельскохозяйственной площади, 39,4 % посева, 76,4 % инвентаря (включая сложный), 100 % промышленных заведений, 16,3 всех средств производства [37, с. 105–107, 130–131].

Таким образом, только в коммунах общественное хозяйство являлось единственной формой производства. В артелях общественное хозяйство преобладало в земледелии и, незначительно, в животноводстве. В ТОЗах доминирующую роль играла производственная деятельность в личном хозяйстве колхозников. В целом же можно отметить, что основным вкладом членов коллективных хозяйств в их объединения в 1920-е годы были земельные наделы. Не случайно основным видом совместной производственной деятельности являлся труд в земледелии. В организации коллективного животноводства делались лишь первые шаги.

Обращает на себя внимание высокий уровень обобществления в первых колхозах области сельскохозяйственных машин и орудий. Например, по данным сплошного обследования колхозов 1928 г., в них было обобществлено в МАО: 36,7 % плугов, 20,6 % борон, 83,3 % сеялок, 100 % уборочных машин, 75 % молотилок, 80 % зерноочистительных машин, 100 % тракторов и т. д. [37, с. 130–131]. Если принять во внимание, что коммуны в общей массе коллективных хозяйств были представлены незначительно, то окажется, что уровень обобществленного сельскохозяйственного инвентаря превышал аналогичный показатель обобществления средств производства в артелях и товариществах по общественной обработке земли. Этот факт объясняется тем обстоятельством, что в названных формах колхозов в совместное пользование переходили первоначально те средства производства, которые приобретались коллективно, обычно с помощью кредита. С совместного приобретения сельскохозяйственного оборудования с помощью последнего обычно и начинался совместный труд на земле. Показательный в этом случае сведения об источниках средств капитальных вложений в коллективные хозяйства

автономии в 1928 году. Из общей суммы капиталовложений в указанном году на капиталы собственно крестьянских хозяйств пришлось 22,3 %, внутренние накопления – 0,5 %, кредит – 60,4 %, госбюджетные средства – 16,2 % [12, л. 96 об.].

Несмотря на преимущественно однородный характер материально-технической базы в колхозах и индивидуальных крестьянских хозяйствах, производственное кооперирование 1920-х годов, в общем, способствовало росту производства, преимущественно в земледелии. Во-первых, значительно возрастала производительность труда в коллективных хозяйствах благодаря даже простой его кооперации. Как отмечал В. П. Данилов, большая часть колхозов в этот период находилась на мануфактурной стадии развития, их производство базировалось на использовании живой тягловой силы и ручного труда; однако кооперирование и техническое разделение труда заметно повышали его производительность [14, с. 304].

Кроме этого фактора, коллективные хозяйства 1920-х годов имели и другие существенные отличия от единоличных хозяйств, наличие которых благотворно сказывалось на их производстве. Большинство колхозов области землеустроивались в год их появления, что было немаловажно в условиях земельной неустроенности МАО [16а, с. 149–154]. В том числе и по этой причине они являлись очагами введения улучшенных приемов агротехники и вообще отличались более высоким уровнем агрикультуры. В них в первую очередь применялись минеральные удобрения, сортовые семена, почти во всех из них проводились комплексы простейших агрикультурных мероприятий («агроминимумы»), многие имели опытно-показательные участки и поля [3, л. 178, 184]. В 1928 году примерно в половине колхозов МАО применялись многопольные севообороты [31]. В 1929 году 75 колхозов из 214 (т. е., 35 %) имели производственные планы ведения хозяйства [3, л. 183]. К концу 20-х годов XX века коллективные хозяйства автономии стали постепенно выделяться повышенной по сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами обеспеченностью сельскохозяйственными машинами и орудиями. Весь завоз сельскохозяйственного инвентаря в 1929 г. был направлен в обобществленный сектор [8, л. 12]. В докладе «Итоги сельхозгода (1928/29 хозяйственного – А. И.) по Козьмодемьянскому кантону», составленному для областного комитета ВКП(б), отмечалось, к примеру: «Все колхозы перешли на плужную обработку, три колхоза имеют свои трактора. Остальные колхозы

также механизированы. Имеют молотилки, селялки, веялки, жатки, косилки и др. машины. Все колхозы перешли на 9-польный севооборот с пропашным клином. Свои семена просортировали и протравили от головни на все 100 %. Весь озимый клин засеяли сортовой рожью «Вятка» [2, л. 46].

В свете вышесказанного представляется не случайным, что производственные показатели коллективных хозяйств, как только это явление стало относительно массовым, стали опережать показатели индивидуального сектора сельской экономики. Так, по данным областной плановой комиссии, в 1929 г. – наиболее урожайном практически по всем земледельческим культурам за период нэпа – сбор с единицы площади в колхозах существенно превысил урожайность на собственно крестьянских полях. По озимой ржи – на 60,7 %, ячменю – на 23,3 %, овсу – на 21,8 %, льно-семеню – на 13,6 %, льно-волокну – на 34,2 % и т. д. [4, л. 202]. Любопытны результаты прямого сопоставления урожайности в коллективном и единоличном секторах, расположенных в непосредственной близости друг от друга (т. е. в максимально схожих природно-климатических условиях). Из сводки информационного подотдела Нижегородского крайкома ВКП(б) за декабрь 1929 г. известно, в частности, что «динамика урожайности колхозов говорит о том, что урожай в коллективных хозяйствах значительно превысил урожай индивидуального хозяйства; например, по Маробласти: коммуна «Чеморданы» урожай за последние три года довела до 100 пуд. ржи и овса до 120 пуд. с дес.; артель «Плуг»: рожь – 150 пуд. и овес – 90 пуд.; коммуна «Свобода»: рожь 78 пуд., овес – 80 пуд.; артель им. Сталина: рожь – 110 пуд., овес – 80 пуд., тогда как у окружающего населения по данным статуправления: рожь – 47–52 пуд., овес – 45–47 пуд...» [23, с. 143].

Еще более наглядно преимущества коллективного производства проявлялись при сопоставлении уровней товарности сельхозобъединений и единоличных хозяйств. Не отличаясь от последних значительно по общему уровню производства, колхозы 1920-х годов имели существенно повышенный уровень товарности по основным земледельческим культурам области. Так, товарность зерновых в индивидуальных крестьянских хозяйствах МАО в 1928/29 хозяйственном году составила 9,5 %, тогда как аналогичный показатель в обобществленном секторе составил в том же году 22,3 %, картофеля соответственно – 3,5 % против 34 % в колхозах. Только масличных

культур было отчуждено больше в единоличных хозяйствах (67,1 % и 41,9 %) [2, л. 39; 3, л. 179].

Таким образом, жизненность идей производственного кооперирования в 20-е годы XX века, периода новой экономической политики, имела под собой вполне обоснованную экономическую базу. Использование преимуществ крупного общественного производства (механизация труда, неизбежная с течением времени, интенсивное внедрение новейших для своего времени агрикультурных приемов и т. д.) обнаруживало в коллективных хозяйствах колоссальный потенциал количественного и качественного роста показателей аграрного сектора народнохозяйственного комплекса страны и отдельных ее регионов, вело к повышению жизненного уровня и улучшению условий труда тружеников деревни, в целом закладывало реальную социально-экономическую базу для индустриализации аграрного производства, что неизбежно должно было произойти в СССР в русле общемировых тенденций и в конечном результате соответствовало его государственным (национальным) интересам. Специального внимания, естественно, заслуживает проблема политики и практики проведения столь грандиозной реформы, каковой явилась массовая коллективизация сельского хозяйства, генетически связанная, как было установлено, с производственным кооперированием предшествующего исторического периода и оказавшая непосредственное влияние на последующее функционирование не только аграрной отрасли, но и общественно-политической и социально-экономической жизни страны в целом.

1. Вестник Марийского областного комитета РКП(б). Краснококшайск, 1922. № 2. С. 14–15.

2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 515.

3. ГА РМЭ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 250.

4. ГА РМЭ. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 301.

5. ГА РМЭ. Ф. Р-149. Оп. 3. Д. 70.

6. ГА РМЭ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 205.

7. ГА РМЭ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 300.

8. ГА РМЭ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 320.

9. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 398.

10. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 835.

11. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 853.

12. ГА РМЭ. Ф. Р-353. Оп. 11. Д. 24.

13. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 20–37.

14. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.

15. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М.: Госполитиздат, 1989. 526 с.

15а. Иванов А. А. Аграрные преобразования в России в 1917 – начале 1920-х годов: Источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2010. 288 с.

16. Иванов А. А. Доколхозная деревня Марийской автономной области. (Производительные силы крестьянского хозяйства и сельскохозяйственное производство в 20-е годы XX века) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. 112 с.

16а. Иванов А. А. Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX – первая треть XX века) // Вопросы истории. М., 2004. № 1. С. 149–154.

17. Иванов А. А., Иванов А. Г. Российское крестьянство в трудах историков-аграрников Среднего Поволжья // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 4–9.

18. История Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. Т. 2. 328 с.

19. История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 1. 455 с.

20. Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация в России XX века. М.: ИРИ РАН, 1997. 155 с.

21. Кабанов В. В. Пути и бездорожья аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. М., 1993. № 2. С. 34–46.

22. Козлов С. А., Швейковская Е. Н. Проблемы социально-экономической истории в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958–2003 гг.) // Отечественная история. М., 2003. № 6. С. 158–173.

23. Коллективизация сельского хозяйства в Нижегородском – Горьковском крае. 1927–1937. Документы и материалы. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. 350 с.

24. Кондрашин В. В. Аграрные реформы в России в XX веке в современной отечественной историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки». Пенза, 2002. № 3. С. 18–29.

25. Кувшинский А. И. Из истории тракторизации сельского хозяйства // Ученые записки / МГПИ им. Н. К. Крупской. Йошкар-Ола, 1971. Т. 35. С. 3–14.

26. Кузина А. С. Особенности социалистического строительства в национальной деревне в 1921–1929 гг. (На материалах Марийской АССР) // Вопросы истории советского рабочего класса и колхозного крестьянства Марийской АССР. Киров; Йошкар-Ола, 1978. С. 51–71.

27. Марий Эл. Йошкар-Ола, 1928. № 7–8. С. 144–145.

28. Марий Эл. Йошкар-Ола, 1929. № 1. С. 58.

29. Марийская деревня. Йошкар-Ола, 1928. 2 февраля.

30. Марийская деревня. Йошкар-Ола, 1928. 10 марта.

31. Марийская деревня. Йошкар-Ола, 1928. 24 марта.

32. Марискин О. И. Российское крестьяноведение XIX–XX вв.: микроуровневый подход // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы. Саранск, 1997. С. 73–81.

33. Материалы пятилетнего перспективного плана развития хозяйства и культуры МАО. Козьмодемьянск: Изд-во Маробплана, 1929. 105 с.

34. Нижегородский край. Материалы к первому краевому съезду советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Нижний Новгород, 1929. 106 с.

35. Рогалина Н. Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX в. // Российская история. М., 2011. № 4. С. 3–13.

36. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 1168 с.

37. Статистический справочник по Нижегородскому краю. Окружные итоги. Нижний Новгород, 1929. Вып. 1. 168 с.

38. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. 879 с.

39. «Тянут с мужика последние жилы...»: Налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сборник документов и материалов. М.: Собрание, 2007. 638 с.

40. Хлебников А. В. Социалистическое строительство в МАО в 1928–1929 хозяйственном году // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1958. Вып. 11. С. 21–51.

Статья поступила в редакцию 22.01.2016 г.

Для цитирования: Иванов А. А., Соловьев А. А. Колхозы в доколхозной деревне марийской автономной области (1920-е годы) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. № 1 (5). С. 21–27.

Об авторах

Иванов Алексей Ананьевич, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, anani@marsu.ru

Соловьев Анатолий Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, solowaa@mail.ru

A. A. Ivanov, A. A. Solov'ev
Mari State University, Yoshkar-Ola

COLLECTIVE FARMS IN THE VILLAGE OF MARI AUTONOMOUS OBLAST IN 1920

The article, based on the first time introduced into scientific circulation of archival and published sources, synchronous and retrospective documentary publications, discusses the organization and functioning of agricultural production cooperation in the village of the Mari Autonomous Region in the new economic policy. The study identified the main species (communes, cooperatives, associations for the cultivation of the land), the specific features of the composition and activities of the first collective farms of national autonomy, their potential production capacity in the development of the agricultural sector of the Mari region in the 20-ies of XX century and their position in the region's agricultural infrastructure. It was found that the viability of the ideas of industrial cooperation in the NEP period was under a quite reasonable economic basis. Taking advantage of large-scale socialized production found in the collective farms of the enormous potential of the quantitative and qualitative growth of rates of the agricultural sector of the country's national economic complex and its individual regions, led to an increase in living standards and working conditions of workers of the village, laid the real socio-economic base for the industrialization of agricultural production, which was bound to happen in the Soviet Union in line with global trends and the end result is in keeping with his public (national) interest.

Keywords: agriculture, industrial cooperation, collective farms, Mari Autonomous Oblast, peasantry

1. Vestnik Marijskogo oblastnogo komiteta RKP(b). Krasnokokshajsk, 1922., No. 2, pp. 14–15.

2. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij Jel (GA RMJe). F. P-1. Op. 1. D. 515.

3. GA RMJe. F. R-127. Op. 1. D. 250.

4. GA RMJe. F. R-127. Op. 1. D. 301.

5. GA RMJe. F. R-149. Op. 3. D. 70.

6. GA RMJe. F. R-159. Op. 1. D. 205.

7. GA RMJe. F. R-159. Op. 1. D. 300.

8. GA RMJe. F. R-159. Op. 1. D. 320.

9. GA RMJe. F. R-250. Op. 1. D. 398.

10. GA RMJe. F. R-250. Op. 1. D. 835.

11. GA RMJe. F. R-250. Op. 1. D. 853.

12. GA RMJe. F. R-353. Op. 11. D. 24.

13. Danilov V. P. Agrarnye reformy i agrarnye revoljucii v Rossii (1861–2001). *Rossija v XX veke: Reformy i revoljucii*: v 2 t. M., 2002, t. 1, pp. 20–37.

14. Danilov V. P. Sovetskaja dokolhoznaja derevnja: nase-
lenie, zemlepol'zovanie, hozjajstvo. M.: Nauka, 1977, 318 p.
15. Dokumenty svidel'stvujut: iz istorii derevni nakanune
i v hode kollektivizacii, 1927–1932 gg. M.: Gospolitizdat,
1989, 526 p.
- 15a. Ivanov A. A. Agrarnye preobrazovanija v Rossii v 1917 –
nachale 1920-h godov: Istochnikovedcheskie ocherki (po mate-
rialam Srednego Povolzh'ja i Priural'ja). Mar. gos. un-t. Joshkar-
Ola, 2010, 288 p.
16. Ivanov A. A. Dokolhoznaja derevnja Marijskoj avtonomnoj
oblasti. (Proizvoditel'nye sily krest'janskogo hozjajstva i sel'sko-
hozjajstvennoe proizvodstvo v 20-e gody XX veka). Mar. gos.
un-t. Joshkar-Ola, 2013, 112 p.
- 16a. Ivanov A. A. Slozhnye zemel'nye obshhiny v nacion-
al'noj derevne Povolzh'ja i Priural'ja (konec XIX – pervaja tret'
XX veka). *Voprosy istorii*. M., 2004, no. 1, pp. 149–154.
17. Ivanov A. A., Ivanov A. G. Rossijskoe krest'janstvo
v trudah istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ja. *Krest'janstvo
v rossijskih transformacijah: istoricheskij opyt i sovremennost':
materialy III Vserossijskoj (XI mezhhregional'noj) konferencii
istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ja* (Izhevsk, 17–19 ok-
tjabrja 2010 g.). Izhevsk, 2010, pp. 4–9.
18. Istorija Marijskoj ASSR. Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo,
1986, t. 2, 328 p.
19. Istorija sovetского krest'janstva: v 5 t. M.: Nauka, 1986,
t. 1, 455 p.
20. Kabanov V. V. Krest'janskaja obshhina i kooperacija
v Rossii XX veka. M.: IRI RAN, 1997, 155 p.
21. Kabanov V. V. Puti i bezdorozh'ja agrarnogo razvitiya
Rossii v XX veke. *Voprosy istorii*. M., 1993, no. 2, pp. 34–46.
22. Kozlov S. A., Shvejkovskaja E. N. Problemy social'no-
jekonomicheskoj istorii v rabote Simpoziuma po agrarnoj istorii
Vostochnoj Evropy (1958–2003 gg.). *Otechestvennaja istorija*.
M., 2003, no. 6, pp. 158–173.
23. Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva v Nizhegorodskom –
Gor'kovskom krae. 1927–1937. Dokumenty i materialy. Kirov:
Volgo-Vjatskoe kn. izd-vo, 1985, 350 p.
24. Kondrashin V. V. Agrarnye reformy v Rossii v XX veke
v sovremennoj otechestvennoj istoriografii. *Izvestija vysshih
uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Serija «Gumanitarnye
nauki»*. Penza, 2002, no. 3, pp. 18–29.
25. Kuvshinskij A. I. Iz istorii traktorizacii sel'skogo hozja-
jstva. *Uchenye zapiski / MGPI im. N. K. Krupskoj*. Joshkar-Ola,
1971, t. 35, pp. 3–14.
26. Kuzina A. S. Osobennosti socialisticheskogo stroitel'stva
v nacional'noj derevne v 1921–1929 gg. (Na materialah Marijskoj
ASSR). *Voprosy istorii sovetского rabocheho klassa i kolhoznogo
krest'janstva Marijskoj ASSR*. Kirov; Joshkar-Ola, 1978, pp. 51–71.
27. Marij Jel. Joshkar-Ola, 1928, no. 7–8, pp. 144–145.
28. Marij Jel. Joshkar-Ola, 1929, no. 1, p. 58.
29. Marijskaja derevnja. Joshkar-Ola, 1928. 2 fevralja.
30. Marijskaja derevnja. Joshkar-Ola, 1928. 10 marta.
31. Marijskaja derevnja. Joshkar-Ola, 1928. 24 marta.
32. Mariskin O. I. Rossijskoe krest'janovedenie XIX–XX vv.:
mikrourovnevnyj podhod. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie:
problemy i perspektivy*. Saransk, 1997, pp. 73–81.
33. Materialy pjatiletnego perspektivnogo plana razvitiya
hozjajstva i kul'tury MAO. Koz'modem'jansk: izd-e Marobplana,
1929, 105 p.
34. Nizhegorodskij kraj. Materialy k pervomu kraevomu s"ezdu
sovetov rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov.
Nizhnij Novgorod, 1929, 106 p.
35. Rogalina N. L. Zadachi i uroki izuchenija rossijskih agrarn-
yh reform XX v. *Rossijskaja istorija*. M., 2011, no. 4, pp. 3–13.
36. Sovetskaja derevnja glazami VChK–OGPU–NKVD.
1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. M.: ROSSPJeN,
2000, t. 2, 1168 p.
37. Statisticheskij spravocnik po Nizhegorodskomu kraju.
Okruzhnye itogi. Nizhnij Novgorod, 1929, vyp. 1, 168 p.
38. Tragedija sovetской derevni: Kollektivizacija i raskulachiva-
nie. Dokumenty i materialy: v 5 t. 1927–1939. M.: ROSSPJeN,
1999, t. 1, 879 p.
39. «Tjanut s muzhika poslednie zhily...»: Nalogovaja politika
v derevne (1928–1937 gg.): sbornik dokumentov i materialov.
M.: Sobranie, 2007, 638 p.
40. Hlebnikov A. V. Socialisticheskoe stroitel'stvo v MAO
v 1928–1929 hozjajstvennom godu. *Trudy Marijskogo nauchno-
issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii*. Joshkar-Ola,
1958, vyp. 11, pp. 21–51.

Submitted 22.01.2016.

Citation for an article: Ivanov A. A., Solov'ev A. A. Collective farms in the village of Mari Autonomous Oblast in 1920. *Vestnik of Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2016, no. 1 (5), pp. 21–27.

About the autor

Ivanov Alexey Ananyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, anani@marsu.ru

Solovev Anatolii Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, solowaa@mail.ru